

Об одной из сенсаций прошедшего года - года Михаила Тверского

В 2014 г. вышла из печати работа «Да поклонимся месту, где святой Михаил отдал жизнь за други своя», в которой были подведены итоги долгой истории по определению места гибели тверского князя Михаила Ярославича. Место это было определено в нынешней Ингушетии в районе поселка Средние Ачалуки. Ингушское ТВ сделало часовой фильм об этом. В фильме приняли участие крупнейший специалист по русскому средневековью и, в частности тверскому, профессор В.А. Кучкин, к.и.н. Н. Д. Кодзоев, к.ф.н. Л.У. Тариева и др. Кроме Ингушетии, презентация фильма состоялась и в Твери: в ТвГУ и в ДК «Пролетарка».

И вот в юбилейном 2018 году, отмеченным 700-летием мученического подвига Михаила Ярославича, в «Вестнике ТвГУ» публикуется статья к.и.н. С.В. Богданова: «Где погиб тверской князь Михаил Ярославич? (По поводу одной краеведческой книжки)». В целом, это большая, на 20 страниц текста, можно сказать, заметная работа, похожая на главу к учебнику географии по Северному Кавказу времени Средневековья. Сергей Владимирович упрекает автора «краеведческой книжки», по сути, в неакадемическом изложении темы, его не устраивает неакадемическое изложение цитат в вольном переводе профессора В. Б. Виноградова, не устраивает, что автору «книжки» Г. Н. Пономареву явно неизвестны многие источники, которые упоминает сам С.В. Богданов. В итоге С.В. Богданов приходит к сенсационному выводу: «Имеющиеся данные заставляют перенести поиски места гибели Михаила Ярославича из Ингушетии в Дагестан».

Во-первых, я, как автор, должен признаться, что за время работы над раскритикованной Богдановым «книжкой», за время знакомства с удивительно красивой и гостеприимной землей, я полюбил этот край, полюбил этих людей,

многие из которых стали моими друзьями. И потому работа Богданова, призывающего к академичности изложения материала, особенно поразила меня откровенно высказанным высокомерием, что, на мой взгляд, не украшает молодого учёного. Но, тем не менее, обратимся к сути дела.

Источники, а это, прежде всего, «Повесть об убиении Михаила Тверского», летописи «Симеоновская», «Никоновская» дают нам следующие ориентиры для поиска места гибели тверского князя: река Терек (за рекою

Терком), река Севенци (на реце Севенци), город Тютяков - Дедяков (под городом Тютяковым), горы Ясскыя, Черкасскыя (минувши горы высокыя

Ясскыя, Черкасскыя), врата Железные (близ Врат Железных). Более поздняя Никоновская летопись дает нам ещё один ориентир: «...у богатыревы могилы». Повесть о Михаиле Тверском упоминает гидроним «Адежь»: «И положили его на большой доске, и подняли на телегу, и крепко перевязали веревками. И перевезли на реку, называемую Адежь, то есть горесть».

Вот как В.А. Кучкин излагает этот эпизод: «После убийства Михаила, его труп перевезли за реку Адеж, "еже речется Горесть". Перевод названия верный, что отметил еще Н.М. Карамзин. Река Адеж протекала рядом с татарским кочевищем. Двое из слуг князя Юрия Московского, отправленные за реку сторожить тело убитого Михаила, ночью испугались и "убежали в станы"». С моей точки зрения, нет никаких оснований подвергать сомнению изложение В.А. Кучкиным этого эпизода.

Обратимся к В.Б. Виноградову по поводу реки Адеж: «Это небольшая река ныне называется Ачалуки, и в ее имени легко угадывается тюркское "аччылык" ("аджалык") – горечь. В данном гидрониме значимая основа "ачча" (диалектное - аджа) – горький, а "лык" – типичный тюркский словообразовательный суффикс, то есть название реки Аччалык (Аджалык) есть полный эквивалент летописной Аджи, которая "еже речется Горесть, горесть бо и бе братие". Если даже последние слова о горечи принять как аллегория летописца, безмерно опечаленного гибелью князя, то все равно факт остается

фактом: Аджь (Горесть) – горькая река. И это действительно так: в речку впадают минеральные источники и ее вода горьковатая».

В моей работе приводится карта – план, на которой хорошо виден исток р. Аджь. Что касается ее притока Къахь-Хий ("Горькая речка"), то он весьма небольших размеров, а потому не определяется современными средствами со спутника.

Создается впечатление, что главной целью работы доцента Богданова был не поиск истины, а стремление поставить на место зарвавшегося краеведа Г.Н. Пономарева и продемонстрировать всему научному сообществу Твери его безграмотность, а поиск самого места гибели Михаила Тверского стал всего лишь поводом для этого.

Иначе трудно понять, зачем Богданову пришлось столь отчаянно доказывать, что «железными воротами» можно называть только «Дербентские ворота», при том, что он сам же пишет: «В историографии насчет этого пункта единого мнения не сложилось». На стр.129 он пытается доказать свою правоту, но доказательства эти более, чем неубедительны. Даже если согласиться, что только Дербентские ворота назывались «железными», то как быть с наличием в источниках целого комплекса ориентиров, которые бесспорно должны располагаться достаточно близко друг от друга, при том, что у доцента С.В. Богданова, и, разумеется, у В.А. Штро, на которого он ссылается, ориентиры разбросаны на достаточно большие расстояния, что, разумеется, сразу вызывает вопросы. Так, например, расстояние между Андрей-Аулом (Эндиреем), где по мнению Штро и Богданова должны были произойти трагические события и Дербентом, где по утверждению Богданова и были подлинные «Железные ворота» составляет 203 км. Не слишком ли велико расстояние для локализации места гибели тверского князя? Ведь сам же Богданов, цитируя Пространную редакцию, приводит текст Повести: «место убийства» находилось «около Железных Ворот». А тут целых 203 км! Но для доцента Богданова это пустяки,

мелочь. Вызывает большие сомнения и замена р. Севенч на р. Сулак только тем, что последняя впадает в Каспийское море.

Но еще больший вопрос вызывает и то, как можно, следуя берегом Каспийского моря, идя вдоль берега Волги на Север в Москву, оказаться, вдруг более, чем на 100 км западнее, в Мчажарах? А потом вновь повернуть к Волге, чтобы попасть, как сообщают источники, в Бездеж?

5 декабря прошлого года В.А. Кучкин, будучи в Твери, но, уже не попадая на доклад Богданова на конференции, просил меня задать ему именно этот вопрос: «Как, по мнению Богданова, кортеж с телом тверского князя добирался из Дербента в Москву»? Тогда задать этот вопрос я не смог, но, похоже, что, по мнению Богданова, гроб с телом святого князя повезли специально на запад в Мчажары, дабы в будущую «Повесть» был органично вплетен эпизод о том, как в Мчажарах воссияли останки великого князя, а уж потом обратно повернули к Волге, чтобы все-таки проехать через Бездеж, который указан в источнике. Но, полагаю, Богданов понимая всю нелепость и нестыковку своих предположений, оправдывая все скудостью информации, отваживается прибегнуть к такому пассажиру: «...географическая информация представлена в сокращенном виде, здесь отсутствует часть рассказа о пути к Маджары и Бездежу». Совершенно очевидно, что нелепость своей гипотезы доцент Богданов пытается переложить на плечи летописца.

Заслуживает отдельного разбора и вопрос, который я все-таки сумел задать Богданову на той конференции: «Почему из системы ориентиров места гибели тверского князя вы выбросили "Богатыреву могилу" – мавзолей Борга-Каш»? На что получил следующий ответ: «Эта информация получена из позднего источника – XVI века, поэтому она не заслуживает внимания». Не уделить должного внимания такому ориентиру – это одно, но выбросить его совсем из системы доказательств при локализации места гибели – это уже совсем другое.

События, о которых идет речь, произошли в начале XIV века, мавзолей Борга-Каш был построен в начале XV века. А потому не упоминание в источниках XIV века мавзолея естественно и логично. Было бы противозачественным, если бы оно там было. Появление информации о мавзолее в источнике XVI века логично и сообщает нам дополнительную важную информацию. Во-первых, о том, что между Северо-Восточной Русью и регионом Кавказа были устойчивые информационные связи и в XIV, и в XVI веках. Во-вторых, о том, что на Руси в то время точно знали место гибели тверского князя. И в-третьих – именно точное знание места гибели и знание ориентиров этого места обратило внимание составителей летописи XVI века на появление нового, дополнительного ориентира – «Богатыревой могилы» – мавзолея Борга-Каш. Именно поэтому дополнительный ориентир и появился в Патриаршей летописи в XVI веке, но упоминание о нем разрушает всю концепцию о Каспийском Дербенте.

А как толковать поразительную ошибку Богданова при цитировании работы Штро? Богданов пишет: «...В.А. Штро высказал убеждение в том, что местом гибели тверского князя следует считать крепость около селения Андрей-аул (Эндирей)...» В сносках указано и само сочинение и номер страницы с. 266. Но на ней речь идет о Деякове, «сожженном 8 февраля 1278 г. русскими князьями», о селении Андрей-аул (Эндирей) речи нет. Что же касается примечания, то там высказывается условие локализации Андрей-аула, как места бывшего Деякова: «Если на городище, расположенном на правом берегу р. Акташ в 150-200 м к юго-западу от Андрей-аула будет обнаружен культурный слой XIII-XIV вв. и слой пожарища, датированный 1278 г., то его можно уверенно отождествить с яским г. Деяковым». Где же здесь речь о «месте гибели тверского князя»? Здесь речь лишь о возможной локализации Деякова – не более того. Какая грубая подтасовка! И как можно с моральной, да и с научной точки зрения классифицировать подобное цитирование?

Но самое поразительное, что Богданов вслед за Штро мог бы сделать открытие – окончательно подтвердить локализацию места гибели тверского князя именно на территории современной Ингушетии. До них никто не подвергал анализу Владимирский летописец или II-ю Новгородскую летопись, во всяком случае, об этом никто не писал. А если бы они попытались осмыслить, на что они натолкнулись, то и Дербент и Каспийское море и все остальное, что связано с Дагестаном, потеряло бы для них значение, они бы избежали роковой ошибки. Вот что сообщил нам Владимирский летописец: «Того же лѣта царь Озбак убил князя Михаило Ярославича Тверскаго на рѣцѣ Начѣ в Ордѣ, у города Дедякова и привезоша его на Москву».

Что же это за река Начѣ? Богданов сообщает, что Штро консультировался с В.А. Кучкиным и тот высказал предположение, что это название возникло «в результате слияния предлога "на" и названия реки "Ача"». Ача – вот оно тюркское название реки в Ингушетии – Ачалуки, о котором пишет В.Б. Виноградов: «"ачча" (диалектное - аджа) – горький, а "лык" – типичный тюркский словообразовательный суффикс, то есть название реки Аччалык».

А вот как отвечает кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИнГУ Л.У. Тариева на запрос общества Михаила Тверского по этой проблеме: «Во времена тюркоязычного владычества тюрки, подойдя к реке Къахъа хий «Горькая река», и испробовав из нее воды, которая, в самом деле, имеет горький привкус, калькировали ингушское название, т.е. произвели его дословный перевод на свой язык: Къахъа ‘Ачча’ и хий ‘лык’, что исторически дало Аччалык, т.е. горькая вода на тюркском языке. Сегодня местность, где протекала Горькая река (Къахъа хий) называется Ачалкхе, что по-русски синхронно звучит как Ачалуки».

Таким образом, взвесив и проанализировав все выше сказанное, хорошо подумав о своих ошибках, Богданов должен был бы согласиться с тем, что место гибели тверского князя в Ингушетии на территории поселения Средние Ачалуки.

Но свою статью Богданов заканчивает выражением глубокого сожаления тем, что Пономарев не обсудил это «хотя бы в кругу тверских историков». И это заявляется при том, что в списке работ, на которые ссылается Богданов, нет ни одного упоминания тверского историка, проявившего интерес к месту гибели Михаила Тверского!

То, что Пономарев консультировался до напечатания упомянутой работы и с В.А. Кучкиным, и с Н. Кодзоевым, и даже с покойным В.Б. Виноградовым, когда он был у нас на конференции в 1996 г., для Богданова, очевидно, ничего не значит, для него эти ученые не авторитеты. Да и сам Михаил Тверской, как личность, до того, как вышел в 1988 г. моноспектакль под этим именем и созданное вскоре общество Михаила Тверского занялось воскрешением имени великого предка, никого из историков не интересовал. Так с кем же тогда обсуждать? С автором данной статьи Богдановым, который, взявшись за тему локализации места Бортеневской битвы, помещает ее, вслед за П.Д. Малыгиным, в Бродах на берегу Волги, где никакого Бортенева нет? А если бы оно там было, то такой гидроним, как Волга, пересилил бы все остальные ориентиры и, в крайнем случае, битва была бы названа битвой при Бортеневе на Волге. А во втором варианте П.Д. Малыгин размещает битву на берегу якобы существовавшего озера в районе Иваниш, не смущаясь тем, что сейчас на этом месте болото, которое бы поглотило не только конницу, но и вооруженных ратников. Что же касается озера, то оно действительно было, но по утверждению специалистов нашего ТвГТУ, болото на месте этого озера сформировалось 7-8 тысяч лет назад, а не 700.

Или я, может быть, должен был согласовать свои размышления с Г.С. Гадаловой, которая локализовала место Бортеневской битвы «где-то на границе с Новгородской землей», даже не упоминая общеизвестные данные – 40 верст от Твери и топоним Бортенево?

И как не вспомнить великого Василия Осиповича Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за невыученный урок». А доцент Богданов

не только не выучил урок, но и, отвечая на вопрос учителя, коим является жизнь, заблудился в оказавшихся непроходимыми для него лесах Северного Кавказа, и едва не утонул в Каспийском море у самого Дербента.

Но оставим аллегории и все же подведем итоги. Общеизвестно, что доказательства в истории зиждутся на трех китах: легенда, археология, документ. Документы у нас есть – «Повесть о Михаиле Тверском» и летописи. Археологии нет, да и сама ситуация не предполагает ее наличие. А вот легенда есть! И я о ней уже говорил выше, обосновывая в системе доказательств появление в источнике XVI века «...богатыревы могилы» – мавзолея Борга-Каш. Причем, это одновременно и легенда и документ. Легенда, поскольку потомки времен Владимиро-Суздальской Руси хранили память о подвиге Тверского князя, а документ потому, что тогда они точно знали, где был совершен тверским князем этот подвиг. Наверное, к легенде можно отнести и главу о Михаиле Тверском из художественно-исторического произведения ингушского писателя Иссы Кодзоева.

Что же касается работы «Да поклонимся месту, где Святой Михаил отдал жизнь за други своя», то я, как автор, не переоцениваю написанного. Я прекрасно сознаю, что смог лишь собрать воедино исследования больших ученых, уточнить некоторые гидронимы и топонимы. И из разрозненной, порою, казалось не связанной меж собою информации, родилось и высветилось место величайшего подвига в истории – великий князь отдал свою жизнь за жизнь своих подданных, своего народа! По сути – повторил подвиг Христа!

Словом, у доцента Богданова сенсации не получилось, когда он очень неосторожно рискнул поставить свое мнение выше мнения В.А. Кучкина, В.Б. Виноградова, Н.Д. Кодзоева и Л.У. Тариевой. А ведь эти люди в телевизионном фильме «Сказание о князе тверском на ингушской земле» подробно и убедительно обосновали место гибели тверского князя.

Повторю В.О. Ключевского: история обязательно наказывает за невыученные уроки.

Г.Н. Пономарёв

*член Российского Исторического общества,
председатель Общества Михаила Тверского.*

Февраль, 2019.